

**МБОУ «СОШ №198»
г. Северск, Томской области**

Сценарий

Литературной гостиной

«Печальный сатирик, или Не может быть», посвящённой М.М. Зощенко.

**адрес школы: г. Северск, ул. Победы, д.12А
тел.: (8-38-23) 56-45-88**

**Сценарий разработала: Дронова Л.Б.,
учитель русского языка и литературы**

Литературная гостиная «Время Мастера. И смех, и слёзы, и любовь».

Ведущий 1. Михаил Афанасьевич Булгаков родился 15 мая 1891 года.

В этом году в нашей стране отметили 125-летний юбилей писателя и драматурга Булгакова. Его стали вспоминать с опозданием: спустя 25 лет после его смерти.

С конца 20-х годов и до 1961 года проза его не печаталась вовсе. В рукописях лежали основные книги. С 1941 года по 1954 год на сцене шли только пьеса «Последние дни» (или «Александр Пушкин») и инсценировка «Мёртвых душ». В начале 50-х годов за Булгаковым была стойкая репутация «забытого писателя» и, произнося его имя, приходилось долго объяснять, что кроме пьесы «Дни Турбиных», любимой пьесы самого Сталина, этот автор сочинил немало драм, комедий и ещё писал и прозу.

Ведущий 2. С начала 60-х годов в свет стали выходить запрещённые при жизни произведения Михаила Афанасьевича: «Записки юного врача» (по образованию Булгаков врач), сборник «Избранной прозы» с «Белой гвардией», сборник «Драмы и комедии» и «Театральный роман», и, наконец, в 1966-1967 был напечатан самый знаменитый роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

Ведущий 1. Известность Булгакова нарастала, как шквал, из литературной среды перешла в широкую среду читателей, перехлестнула отечественные границы и могучей волной пошла по другим странам и континентам. Время, которое работало против Булгакова, обрекая его забвению, будто повернулось к нему лицом. И теперь Мастер с нами. Он пришёл с опозданием, но пришёл, как и верил. Сделал нас богаче и чище.

Ведущий 2. «Рукописи не горят». Посмертная судьба Булгакова подтвердила неожиданный афоризм-предсказание. Им зачитываются студенты и пенсионеры, его цитируют школьники. Кот Бегемот, Воланд, Азazelло и Маргарита перешли в бытовой фольклор. Если автор Мастер, то его нельзя отлучить или забыть. От него останется Память. Останутся рукописи, которые не подвластны времени.

Итак, добро пожаловать в гости к Мастеру.

(Звучит музыка «Тема Воланда»)

Ведущий 1. На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве... находились трое: сатана Воланд, Азazelло, «демон безводной пустыни, демон-убийца», и огромных размеров чёрный кот Бегемот, герои знаменитого романа Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита». Они не были видны снизу, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами. Но им город был виден почти до самых краёв.

Воланд. Какой интересный город, не правда ли?

Азazelло. Мессир, мне больше нравится Рим!

Воланд. Да, это дело вкуса. К тому же всё, что называется грехом, разрушением или злом – моя настоящая стихия. Познакомимся с Москвой и его жителями поближе. Перелистаем страницы известных произведений «мистического писателя», как он сам себя называл, Михаила Афанасьевича Булгакова. Мир города, мир москвичей... Москва 20х-годов 20 века.

Азazelло... Город грязный, неуютный, мрачный. В этом городе живут озлобленные люди, они пытаются удержать то, что у них есть, а ещё лучше – захватить побольше. А сколько лгунов, мошенников, наушников, хапуг!

Воланд. Ну что же...они люди как люди...Ну легкомысленны...ну и что же...

Азazelло. Осмелюсь сделать сообщение: в этой Москве профессоров развелось...И всё изобретают, изобретают: один красный луч изобрёл и чуть не скормил столицу ползучим гадам, другой – машину времени придумал, третий из собаки человека сотворил.

Воланд. Ну, это уже из области фантастики. Похоже, вы начитались рукописей Булгакова. Повести "Роковые яйца" и "Собачье сердце" посвящены именно заблуждениям науки, в том числе и медицинской.

Кот. Пардон, мессир. Так что это? Фельетончики? Или дерзость? А может быть, что-то серьёзное?

Воланд. Это дерзкая сатира, трагическая фантастика. Сам автор это хорошо понимал и записал в дневнике после публичного чтения повести «Роковые яйца»: "Боюсь, как бы не саданули меня за

все эти подвиги в "места, не столь отдалённые". И Булгаков оказался пророком: за "Собачье сердце" его вызывали на допросы по доносам "братьев"- литераторов и собирались сослать в те самые «отдалённые места».

Кот. Как вижу, и дневничок Булгакова у Вас имеется, а мне известно, что он сжёт его, как и первые рукописи романа про Вас, мессир.

Воланд. Глупое животное, ведь ты же должен знать, что «рукописи не горят».

Азazelло. А я читаю воспоминания неких писателей, и вот что они сообщают, послушайте мессир: «Цензура режет Булгакова беспощадно. Недавно зарезала чудесную вещь "Собачье сердце", и он совсем падает духом. Да и живёт почти нищенски».

Кот. На месте Булгакова, я бы давно за границу подался: не печатают, вызывают на допросы, готовые пьесы снимают с репертуара. Кошмар, а не жизнь! Ну, прямо как у нас, в аду! Хотя одного его героя я терпеть не могу! Мессир, посмотрите сами на это научное чудо!

Сценка из повести «Собачье сердце». Глава 7

(На сцене Шариков играет на балалайке и поёт «Эх, яблочко, да на тарелочке»)

Эх, говори Москва, разговаривай Рассея!

Эх, яблочко, ты моё спелое,
А вот барышня идёт, кожа белая.
Кожа белая, а шуба ценная,
Если дашь чего - будешь целая.

Эх, яблочко, да с голубикою,
Подходи, буржуй, глазик выколю.
Глазик выколю, другой останется,
Чтоб видал, подлец, кому кланяться.

Входит Преображенский. – Шариков! Прекратите немедленно. Зина, заберите эту балалайку. Прошу к столу. (Все садятся за стол, Преображенский и Борменталь завязывают салфетки, Шариков хватается курицу и начинает жевать)

Борменталь. — Нет, нет и нет! Извольте заложить. (Заставляет Шарикова завязать салфетку)

Шариков. - Ну, что, ей-богу.

Филипп Филиппович.— Благодарю вас, доктор, а то мне уже надоело делать замечания.

Борменталь. — Всё равно не позволю есть, пока не заложите. Зина, примите майонез у Шарикова.

Шариков. - Как это так «примите»? Я сейчас заложу. (Левой рукой он заслонил блюдо от Зины, а правой запихнул салфетку за воротник).

Борменталь— И вилок, пожалуйста.

(Шариков длинно вздохнул и стал ловить куски осетрины в густом соусе).

Шариков. — Я ещё водочки выпью?

Борменталь. — А не будет ли вам? Вы последнее время слишком налегаете на водку.

Шариков.— Вам жалко?

Филипп Филиппович — Глупости говорите...

Борменталь.— Не беспокойтесь, Филипп Филиппович, я сам. Вы, Шариков, чепуху говорите и возмутительнее всего то, что говорите её безапелляционно и уверенно. Водки мне, конечно, не жаль, тем более, что она не моя, а Филиппа Филипповича. Просто — это вредно. Это — раз, а второе — вы и без водки держите себя неприлично.

(Борменталь указал на заклеенный буфет).

Филипп Филиппович. — Зинуша, дайте мне, пожалуйста, ещё рыбы.

(Шариков тем временем потянулся к графинчику и, покосившись на Борменталь, налил рюмочку.)

Борменталь — И другим надо предложить, и так: сперва Филиппу Филипповичу, затем мне, а в заключение себе.

(Шариковский рот тронула едва заметная сатирическая улыбка, и он разлил водку по рюмкам).

Шариков. — Вот всё у вас как на параде, салфетку — туда, галстук — сюда, да «извините», да «пожалуйста-мерси», а так, чтобы по-настоящему, — это нет. Мучаете сами себя, как при царском режиме.

Филипп Филиппович. — А как это «по-настоящему»? — позвольте осведомиться.

(Шариков на это ничего не ответил Филиппу Филипповичу, а поднял рюмку и произнёс)

Шариков. — Ну желаю, чтобы все...

Борменталь. — И вам также.

(Шариков выплеснул содержимое рюмки себе в глотку, сморщился, кусочек хлеба поднёс к носу, понюхал, а затем проглотил, причём глаза его налились слезами.)

Филипп Филиппович. — Стаж.

Борменталь. — Виноват...

Филипп Филиппович — Стаж! — (повторил и горько качнул головой) — тут уж ничего не поделаешь — Клим Чугункин.

Борменталь. — Вы полагаете, Филипп Филиппович?

Филипп Филиппович. — Нечего полагать, уверен в этом.

Борменталь — Неужели... — (начал и остановился, покосившись на Шарикова.

Тот подозрительно нахмурился).

(Зина внесла индейку. Борменталь налил Филиппу Филипповичу красного вина и предложил Шарикову.

Борменталь. Вина, пожалуйста.

Шариков. — Я не хочу. Я лучше водочки выпью.

Борменталь. — Ну-с, что же мы с вами предпримем сегодня вечером?

Шариков. — В цирк пойдём, лучше всего.

Филипп Филиппович. — Каждый день в цирк, это довольно скучно, по-моему. Я бы на вашем месте хоть раз в театр ходил.

Шариков — В театр я не пойду. — (икает).

Борменталь. — Икание за столом отбивает у других аппетит. Вы меня извините... Почему, собственно, вам не нравится театр?

Шариков. — Да дурака валяние... Разговаривают, разговаривают... Контрреволюция одна.

(Филипп Филиппович откинулся на и захохотал. Борменталь только повертел голову).

Борменталь. — Вы бы почитали что-нибудь, а то, знаете ли...

Шариков — Уж и так читаю, читаю... — (ответил и вдруг хищно и быстро налил себе пол стакана водки).

Филипп Филиппович. — Зина, убирайте, детка, водку, больше уже не нужна. Что же вы читаете?

Шариков. — Эту... как её... переписку Энгельса с эти м... Как его — дьявола — с Каутским.

(Борменталь остановил на полдороге вилку с куском белого мяса, а Филипп Филиппович расплескал вино. Шариков в это время изловчился и проглотил водку).

Филипп Филиппович. — Позвольте узнать, что вы можете сказать по поводу прочитанного.

Шариков. — Да не согласен я.

Филипп Филиппович — С кем? С Энгельсом или с Каутским?

Шариков — С обоими.

Филипп Филиппович — Это замечательно, клянусь богом. А что бы вы со своей стороны могли предложить?

Шариков. — Да что тут предлагать?.. А то пишут, пишут... Конгресс, немцы какие-то... Голова пухнет. Взять всё, да и поделить...

Филипп Филиппович — Так я и думал, (шлёпнув ладонью по скатерти) — именно так и полагал.

Борменталь — Вы и способ знаете?

Шариков. — Да какой тут способ, дело нехитрое. А то что же: один в семи комнатах расселился, штанов у него сорок пар, а другой шляется, в сорных ящиках питание ищет...

Филипп Филиппович. — Насчёт семи комнат — это вы, конечно, на меня намекаете?

(Шариков съёжился и промолчал).

Филипп Филиппович. — Что же, хорошо, я не против дележа. Доктор, скольким вы вчера отказали?

Борменталь — Тридцати девяти человекам.

Филипп Филиппович — Гм... Триста девяносто рублей. Ну, грех на трех мужчин. Дам — Зину и Дарью Петровну — считать не станем. С вас, Шариков, сто тридцать рублей. Потрудитесь внести.

Шариков — Хорошенькое дело, это за что такое?

Филипп Филиппович.— За кран и за кота.

Борменталь. — Филипп Филиппович.

Филипп Филиппович.— Погодите. За безобразие, которое вы учинили и благодаря которому сорвали приём. Это же нестерпимо. Человек, как первобытный, прыгает по всей квартире, рвёт краны. Кто убил кошку у мадам Поласухер? Кто...

Борменталь.— Вы, Шариков, третьего дня укусили даму на лестнице.

Шариков. — Да она меня по морде хлопнула, у меня не казённая морда!

Борменталь (закричал, опрокинув бокал) — Потому что вы её за грудь ущипнули.

Филипп Филиппович — Вы стоите на самой низшей ступени развития, вы ещё только формирующееся, слабое в умственном отношении существо, все ваши поступки чисто звериные, и вы в присутствии двух людей с университетским образованием позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой подавать какие-то советы космического масштаба и космической же глупости о том, как всё поделить... А в то же время вы наглотались зубного порошку...

Борменталь.— Третьего дня.

Филипп Филиппович.— Ну вот-с, зарубите себе на носу, что вам нужно молчать и слушать, что вам говорят. Учиться и стараться стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом социалистического общества. Кстати, какой негодяй снабдил вас этой книжкой?

Шариков — Все у вас негодяи.

Филипп Филиппович.— Я догадываюсь.

Шариков.— Ну, и что же. Ну, Швондер дал. Он не негодяй... Чтоб я развивался...

Филипп Филиппович.— Я вижу, как вы развиваетесь после Каутского. Сегодняшний случай показывает это как нельзя лучше. Зина!

Борменталь — Зина!

Шариков — Зина!

(Зина прибежала бледная)

Филипп Филиппович.— Зина, там в приёмной... Она в приёмной?

Шариков.— В приёмной, зелёная, как купорос.

Филипп Филиппович.— Зелёная книжка...

Шариков.— Ну, сейчас палить, она казённая, из библиотеки!

Филипп Филиппович.— Переписка — называется, как его... Энгельса с этим чёртом... В печку её! (Зина улетела).

Филипп Филиппович.— Я бы этого Швондера повесил, честное слово, на первом суку. Сидит изумительная дрянь в доме — как нарыв. Мало того, что он пишет всякие бессмысленные пасквили в газетах...

(Шариков злобно и иронически начал коситься на профессора. Филипп Филиппович в свою очередь отправил ему косой взгляд и умолк).

(Зина внесла кофейник).

Шариков — Я не буду.

Филипп Филиппович.— Никто вас не приглашает. Держите себя прилично. Доктор, прошу вас. (Шариков вытащил из кармана смятую папиросу и задымил. Откушав кофе, Филипп Филиппович поглядел на часы)

Филипп Филиппович.— Доктор, прошу вас, съездите с ним в цирк. Только, ради бога, посмотрите в программе — котов нету?

Шариков — И как такую сволочь в цирк пускают.

Филипп Филиппович.— Ну, мало ли кого туда допускают, что там у них?

Борменталь.— У Никитиных... У Никитиных... Гм... Слоны и предел человеческой ловкости.

Филипп Филиппович.— Так-с. Что вы скажете относительно слонов, дорогой Шариков?

Шариков.— Что же, я не понимаю, что ли. Кот — другое дело. Слоны — животные полезные.

Филипп Филиппович.— Ну-с и отлично. Раз полезные, поезжайте и поглядите на них. Ивана Арнольдовича слушаться надо. И ни в какие разговоры там не пускаться в буфете! Иван Арнольдович, покорнейше прошу пива Шарикову не предлагать.

(Возвращаются Воланд, Кот).

Кот. Мессир, вы видели? Что позволяет себе этот блохастый Шариков, это исчадие ада? Нас, благороднейших животных, обзывает ругательными словами. Хорошо, что профессор Преображенский вновь переделал Шарикова в собаку. Будет знать, как обзываться.

Воланд. На мой взгляд, Шариков не исчадие ада, а порождение советской эпохи, результат чудовищного эксперимента над человеческим сознанием. Любой опыт должен быть продуман до конца, иначе последствия его могут привести к катастрофе.

Кот. Вы как всегда правы, мессир. Сколько котов передумил Шариков, будучи заведующим отделом очистки города Москвы от бродячих животных. Это катастрофа. Давайте заберем его с собой!

Воланд. Да, персонаж этот глубоко несимпатичен, но он получил по заслугам. Впрочем, самодовольство профессора Преображенского, задумавшего своим скальпелем улучшить саму природу и создать по заказу какого-то "нового" человека, было тоже наказано быстро и жестоко. Напрасно верный Борменталь восторгался: "Профессор Преображенский, вы - творец!". Седой Фауст сотворил доносчика, алкоголика и демагога, который ему же сел на шею и превратил жизнь профессора в обычный советский ад.

Кот. И поделом самодовольному профессору!

Азazelло. Я с Вами абсолютно согласен. Ведь не Шариков же "подарил" миру ядерное оружие и Чернобыль, а подобные Преображенские. Хорошо хоть, что новоявленный советский Фауст опомнился, вернул в первобытное состояние Шарикова и понял всю безнравственность "научного" насилия над природой и человеком. Мне лично нравится другой учёный - инженер Тимофеев, он опыты над человеком не проводит, хотя тоже учудил: Ивана Грозного в Москву заманил.

Кот. Ну, хрен редьки не слаще!

Сценка. Пьеса «Иван Васильевич». ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(Комната Тимофеева. В ней - Иоанн и Тимофеев. Оба в волнении)

Иоанн. О боже мой, господи, вседержитель!

Тимофеев. Тсс... тише, тише! Только не кричите, умоляю! Я и сам схожу с ума, но я стараюсь держать себя в руках.

Иоанн. Ох, тяжко мне! Молви еще раз, ты не демон?

Тимофеев. Ах, помилуйте, я же на чердаке вам объяснил, что я не демон.

Иоанн. Ой, не лги! Царю лжешь!

Тимофеев. Что же делать, я понимаю ваше отчаяние. Но кто же мог ожидать такой катастрофы? Ведь наш управдом Бунша и друг Шпака ключ унесли с собой! Я не могу вас отправить обратно сейчас... И вы понимаете, что они оба сейчас там, у вас! Что с ними будет?

Иоанн. Пес с ними! Им головы отрубят, и всего делов!

Тимофеев. Как отрубят головы?! Боже, я погубил двоих людей! Это невысказано! Это чудовищно!
(Пауза). Вы водку пьете?

Иоанн. О горе мне!.. Анисовую.

Тимофеев. Нет анисовой у меня. (Вынимает водку, закуску.) Пейте.

Иоанн. Отведай ты из моего кубка.

Тимофеев. Зачем это? Ах да... Вы полагаете, что я хочу вас отравить? Дорогой Иван Васильевич, у нас это не принято. И кильками в наш век гораздо легче отравиться, нежели водкой. Пейте смело.

Иоанн. Ну, здрав буди. (Пьет.)

Тимофеев. Покорно благодарю. (Пьет.)

Иоанн. Как твое имя, кудесник?

Тимофеев. Меня зовут Тимофеев.

Иоанн. Князь?

Тимофеев. Какой там князь!

Иоанн. Так это, стало быть, ты такую машину сделал?.. Ох-хо-хо!.. У меня тоже один был такой... крылья сделал...

Тимофеев. Нуте-с?..

Иоанн. Я его посадил на бочку с порохом, пушай полетает!..

А боярыня твоя где? В церкви, что ли?

Тимофеев. Не думаю. Моя боярыня со своим любовником Якиным на Кавказ сегодня убежала.

Иоанн. Врешь!

Тимофеев. Ей-богу!

Иоанн. Ловят? Как поймают, Якина на кол посадить. Это первое дело...

Тимофеев. Нет, зачем же? Нет... Они любят друг друга, ну и пусть будут счастливы.

Иоанн. И то правда. Ты добрый человек... Ах ты, боже! Ведь это я тут... а шведы, ведь они Кемь взяли!

Боярин, ищи ключ! Отправляй меня назад!

Тимофеев. Понимаете, я сам бы сейчас побежал к слесарю, но дома ни копейки денег, все жене отдал.

Иоанн. Чего? Денег? (Вынимает из кармана золотую монету.)

Тимофеев. Золото? Спасены! Я сейчас в ювелирный магазин, потом к слесарю, он сделает ключ, мы откроем аппарат.

Иоанн. Я с тобой пойду.

Тимофеев. По улице? О нет, Иван Васильевич, это невозможно! Вы останетесь здесь и ничем не выдавайте себя.

Иоанн. О господи!..

Тимофеев. Через час я буду здесь. Сидите тихо!

(Тимофеев, закрыв дверь своей комнаты, уходит. Иоанн один, рассматривает вещи в комнате. На улице послышался шум автомобиля. Иоанн осторожно выглядывает в окно, отскакивает. Пьет водку) (В дверь стучат. Иоанн вздрагивает, крестит дверь, стук прекращается)

Ульяна (за дверью). Товарищ Тимофеев, простите что опять осмелилась беспокоить во время вашей семейной драмы... Что, Ивана Васильевича не было у вас? Его по всему дому ищут. Товарищ Тимофеев, вы не имеете права отмалчиваться! Вы, товарищ Тимофеев, некультурный человек! (Иоанн крестит дверь, и голос Ульяны пропадает)

Иоанн. Что крест животворящий делает! (Пьет водку.) (Пауза).

(Потом в двери поворачивается ключ. Иоанн крестит дверь, но это не помогает. Тогда Иоанн прячется за ширму. Дверь открывается, и входит Зинаида. Бросает чемоданчик. Расстроена)

Зинаида. Какой подлец! Все разрушено! И я... зачем же я открыла все этому святому человеку?.. (Смотрит на стол.) И вот опять здесь... обманутая самым наглým образом...

(Через некоторое время на парадном звонок. Зинаида выходит в переднюю, открывает дверь. Входит Якин, молодой человек в берете и штанах до колен и с бородой, растущей из-под подбородка)

Якин. Зина, это я.

Зинаида. Как? Это вы?! Вон! (Уходит в комнату Тимофеева.)

Якин. Зина! Я молю вас, Зина, я вам сейчас же все объясню. Зина, выслушайте меня. Зиночка, что случилось? Почему вы убежали?

Зинаида. Карп Савельевич, вы негодяй!

Якин. Боже, какие слова! Зиночка, это недоразумение, клянусь кинофабрикой!

Зинаида. Недоразумение!.. Я бросаю мужа, этого святого человека, я покидаю чудную жилплощадь, расстаюсь с человеком, который молился на меня, сдувал пылинки... гениального изобретателя!.. Еду к этому подлецу, и...

Якин. Зина, какие слова!..

Зинаида. Вы еще не знаете настоящих слов! И за два часа до нашего отъезда я застаю у него неизвестную, даму...

Якин. Зина!..

Зинаида. Которую он нежно держит за руку!..

Якин. Зиночка, я проверял с нею сцену! Это моя профессиональная обязанность!

Зинаида. Хватать за локти? (Дает Якину пощечину.)

Якин. Зинаида Михайловна! Товарищи, что это такое?!

Зинаида. Вон! Снимайте курносых, безносых, каких хотите!.. С меня довольно! Я ухожу к Косому, в постановку "Бориса Годунова"!

Якин. Косой - халтурщик! Никакой постановки у него не будет!

Зинаида. Я извиняюсь, постановка утверждена! И я буду играть царицу! Я не интересуюсь больше вашими "Золотыми яблоками" в Гаграх.

Якин. Да поймите же, что у него нет никого на роль Иоанна Грозного!

Зинаида. Нет Иоанна? Простите, я уже репетировала с ним.

Якин. Где вы репетировали?
Зинаида. Здесь же, у себя на квартире...
Якин. Репетировать за моей спиной? Это предательство, Зинаида! Кто играет Бориса, царя? Кто?
Иоанн (выходя из-за ширмы). Какого Бориса-царя? Бориску?!
(Зинаида и Якин застывают) А подойди-ка сюда, милый!
Зинаида. Господи, что это такое?!
Якин. Как, вы действительно репетируете? Боже, какой типаж!
Зинаида. Кто это такой?!
Иоанн. Бориса на царство?.. Так он, лукавый, презлым заплатил царю за предобрейшее!.. Сам хотел царствовать!.. Повинен смерти!
Якин. Bravo!
Зинаида. Боже мой... Якин!..
Иоанн. Ну, ладно! Потолкует Борис с палачом опосля! (Якину.) Почто ты боярыню обидел, смерд?
Якин. Замечательно! Поразительно! Невиданно!.. Я не узнаю вас в гриме. Кто вы такой? Позвольте представиться: Карп Якин. Как ваша фамилия?
Иоанн. Ах ты, бродяга! Смертный прыщ!
Якин. Bravo! Зинаида, как же вы скрыли от меня это?! (Иоанн бьет Якина жезлом) Позвольте!! Что вы, спятели?.. Довольно!..
Иоанн. На колени, червь!
Якин. Это переходит границы! Это хулиганство!
Зинаида. Ах нет! Боже мой, я поняла! Это настоящий царь! Это Коке удался опыт!
(Иоанну.) Умоляю, отпустите его! (В передней появляется Шпак, прислушивается к крикам).
Иоанн (выхватывает из-под кафтана нож, кричит Якину). Молись, щучий сын! (Шпак заглядывает в дверь). Живота или смерти, проси у боярыни?
Якин (хрипит). Живота...
Иоанн. Подымайся, гад!
Якин. Что же это такое, я вас спрашиваю? (Шпаку.) Гражданин, спасите от разбойника!
Шпак. Репетируете, Зинаида Михайловна?
Зинаида. Репе... репетируем...
Якин. Какая же это репе... Гражданин!
Иоанн. Что?.. Целуй руку!
Якин. Руку? Я не жел... Сейчас, сейчас... (Целует руку Иоанну).
Зинаида (Иоанну). Умоляю вас, сядьте!
(Иоанн садится)
Шпак. Естественно как вы играете! Какой царь типичный, на нашего Буншу похож. Только у того лицо глупее. Обокрали меня, Зинаида Михайловна!
(Заливается слезами.)
(Якин пытается скрыться)

Иоанн. Куды?
Якин. Я здесь, я здесь...
Зинаида (Шпаку). Погодите, я ничего не понимаю. Как обокрали?
Шпак. Начисто, Зинаида Михайловна! Вот какой домик у нас, Зинаида Михайловна!
Иоанн. Убиваешься, добрый человек?
Шпак. Гражданин артист, как же не убиваться?..
Иоанн. Чего взяли-то у тебя?
Шпак. Патефон, портсигар, зажигалку, часы, пальто, костюм, шляпу... все, что нажил непосильными трудами, все поггло!.. (Плачет.)
Иоанн. Ты чьих будешь?
Шпак. Я извиняюсь, чего это - чьих, я не понимаю?
Иоанн. Чей холоп, говорю?
Шпак. Извиняюсь, что это вы все - холоп да холоп! Какой я вам холоп? Что это за слово такое?
Зинаида. Он пошутил!
Шпак. За такие шутки в народный суд влететь можно.
Зинаида. Это он из роли, из роли...
Шпак. Эта роль ругательная, и я прошу ее ко мне не применять. До свиданья, Зинаида Михайловна, и не рад, что зашел. Где Иван Васильевич? Я хочу, чтобы он засвидетельствовал жуткую покражу в моей квартире... (Уходит.)

Зинаида. Выслушайте меня. Карп, только умоляю вас, спокойно. Это - настоящий Иоанн Грозный... Не моргайте глазами.

Якин. Ваш дом, Зинаида, сумасшедший!..

Зинаида. Нет, это Кокина работа. Я вам говорила про его машину... что он вызвать хочет не то прошлое, не то будущее... Это он вызвал из прошлого царя.

Якин. Бред!

Зинаида. Я сама близка к помешательству... Клянусь!

Якин. Позвольте! В наши дни, в Москве!.. Нет, это... Он же умер!

Иоанн. Кто умер?

Якин. Я... я не про вас это говорю... это другой, который умер... Я, кажется, сошел с ума... Да ведь он же мог меня зарезать!

Иоанн. Подойди! Подойди и отвечай! Доколе же ты...

Якин. Аз семь... умоляю, не хватайтесь за ножик!.. Я сплю... Зинаида, звоните куда-нибудь, спасите меня!.. Где ваш муж? Пусть уберет его!

Иоанн. Ты боярыню соблазнил?

Якин. Я... я... Житие мое...

Иоанн. Пес смердящий! Какое житие?! Ты посмотри на себя! О, зол муж!

Якин. Пропал! Зинаида, подскажите мне что-нибудь по-славянски!.. Ваш муж не имеет права делать такие опыты!! (Иоанну.) Паки, паки... Иже херувимы!.. Ваше величество, смилуйтесь!

Иоанн. Покайся, любострастный прыщ!

Зинаида. Только не убивайте его!

Якин. Каюсь!..

Иоанн. Любишь боярыню?

Якин. Люблю безумно!..

Иоанн. Как же ее не любить? Боярыня красотой лепа, бела вельми, червлена губами, телом изобильна... Чего же тебе надо, собака?!

Якин. Ничего не надо!.. Ничего!

Иоанн. Так женись! Князь отпускает ее.

Якин. Прошу вашей руки, Зина!

Зинаида. Вы меня не обманете на этот раз, Карп? Я так часто была обманута...

Якин. Клянусь кинофабрикой!

Иоанн. Клянусь преподобным Сергием Радонежским!

Якин. Клянусь Сергием преподобным Радонежским!

Зинаида. Дорогой царь, нам на поезд пора.

Иоанн. Скатертью дорога!

Зинаида берет чемодан и выходит с Якиным.

Зинаида (в передней). А все-таки я счастлива! Поцелуйте меня!

Якин. Бред!! Бред!! Бред!! Клянусь Сергием Радонежским!..

(Иоанн один. Подходит к патефону, заводит его. Пьет водку)

Ульяна (в передней). Есть кто-нибудь? Ивана Васильевича не видели?

(Стучит в дверь Тимофеева, потом входит.) Здравствуйте! Его весь дом ищет, водопроводчики приходили, ушли... жена, как проклятая, в магазине за селедками, а он сидит в чужой комнате и пьянствует!.. Да ты что это, одурел? Шпака ограбили. Шпак по двору мечется, тебя ищет, а он тут! Ты что же молчишь? Батюшки, во что же это ты одет?

(Иоанн, отвернувшись, заводит патефон)

Да что же это такое? Вы видели что-нибудь подобное? Он угорел? Ты что лицо-то отворачиваешь? Нет, ты синячищи-то покажи!

(Иоанн поворачивается)

Голубчики милые!.. На кого же ты похож? Да ты же окосел от пьянства! Да тебя же узнать нельзя!

Иоанн. Ты бы ушла отсюда. А?

Ульяна. Как это - ушла? Ты на себя в зеркало-то погляди!.. В зеркало-то погляди!

Иоанн. Оставь меня, старушка, я в печали...

Ульяна. Старушка?! Как же у тебя язык повернулся, нахал? Я на пять лет тебя моложе!

Иоанн. Ну, это ты врешь...

Ульяна. Да что же это такое?

(Шпак появляется в передней, затем входит в комнату)

Шпак. Да где же он? Иван Васильевич, какой же вы управдом? Вы поглядите, как мою комнату обработали!

Ульяна. Нет, вы полюбуйтесь на голубчика!.. Он же пьян, он же на ногах не стоит!

Шпак. Ай да управдом! Человека до ниточки обобрали, а он водку пьет!.. Меня артистка обворовала!..

Иоанн. Ты опять здесь? Ты мне надоел!

Шпак. Какие это такие слова - надоел? Нам такого управдома не нужно!..

Ульяна. Очнись, разбойник! Попрут тебя с должности!

Иоанн. Э, да ты ведьма! (Берет у Ульяны селедки и выбрасывает их в переднюю.)

Ульяна. Хулиган!

Иоанн (вооружается посохом). Ох, поучу я тебя сейчас!

Ульяна. Помогите!.. Муж интеллигентную женщину бьет!.. (Убегает через парадный ход.)

(Шпак потрясен)

Иоанн. Ведьма!..

Шпак. Откровенно признаться, да. Вы правы. Это даже хорошо, что вы ее так... Вы с ней поостроже... Я к вам по дельцу, Иван Васильевич.

Иоанн. Тебе чего надо?

Шпак. Вот список украденных вещей, уважаемый товарищ Бунша. Прошу засвидетельствовать... Украли два костюма, два пальто, двое часов, два портсигара, тут записано... (Подает бумагу.)

Иоанн. Как челобитную царю подаешь? (Рвет бумагу.)

Шпак. Иван Васильевич... вы выпивши, я понимаю... только вы не хулиганьте...

Иоанн. Ты мне надоел!

Шпак. Вы придите в себя, Иван Васильевич... Мы на вас коллективную жалобу подадим!

Иоанн. Э, да ты не уймешься, я вижу... Что в вас, в самом деле, бесы вселились?.. (Вынимает нож.)

Шпак. Помогите!.. Управдом жильца режет!..

(Тимофеев вбегает в переднюю, потом в комнату)

Тимофеев. Что это происходит? Как вы его впустили?.. Я же вам говорил, чтобы вы не открывали!..

Шпак. Вы гляньте, Николай Иванович, на нашего управдома!.. Караул!.. Я в милицию!..

Тимофеев (Иоанну). Остановитесь, или мы погибнем оба!

(Иоанн прячет нож)

Шпак (бросаясь в переднюю). Я немедленно в милицию!..

Иоанн. Князь!.. Ты его батогами с лестницы!..

Тимофеев (бросается вслед за Шпаком в переднюю). Умоляю вас, подождите!.. Это не Бунша!..

Шпак. Как не Бунша?

Тимофеев. Это Иоанн Грозный... настоящий царь... погодите...я нормален... умоляю, не бегите в милицию!.. Это моя машина времени!.. Я вызвал его...

Шпак. Позвольте, так это царь?

Тимофеев. Царь...

Шпак. Что делается!..

Тимофеев. Молчите, потом все объяснится, потом... Даете слово, что ни одному человеку...

Шпак. Честное благородное слово.

Тимофеев. Ну, спасибо, спасибо. (Убегает в свою комнату. Иоанну.)

(Шпак припадает к замочной скважине)

Иоанн. Пошто ты ему по роже не дал?

Тимофеев. Что вы, Иван Васильевич, не надо никому по роже, ради бога!.. Тише, тише!.. Вот ключ. Сейчас примерим. Руки дрожат... (Нажимает кнопки в аппарате.)

(Комната Тимофеева гаснет. Освещается комната Шпака. Шпак закрывает за собой дверь.)

Шпак. (Говорит по телефону шепотом.) Милицию. Милиция? Говорит сегодняшний обокраденный Шпак... Нет, не сердитесь, я не насчет кражи. У нас тут другое дельце, почище... Инженер Тимофеев Иоанна Грозного в квартиру вызвал, царя... Я непьющий... С посохом... Что делается! Даю честное слово!

Кот. Весёлая пьеска, нечего сказать! Почему её-то запретили! Я искал в пьесе вредную идею. Ничего не нашёл, расстроился от мысли, что в ней никакой идеи нет. Вот если бы такую комедию написал, скажем, Иванов, Петров или Сидоров, её бы подняли на щит... Но Булгаков!..."

Азazelло. Не так-то всё просто. Эта веселая пьеса с перемещением во времени двух похожих людей на самом очень даже не безобидная: "Мораль сей пьесы такова: в условиях деспотической власти во главе государства может оказаться посредственность, и при этом государственная машина все так же будет перемалывать людей". Именно поэтому пьеса не была поставлена при жизни Булгакова и долгое время после его смерти.

Кот. Кто это у нас такой умный, высокообразованный?

Воланд. Замолчите, наконец. Нам негде жить, пора обзавестись жилплощадью в Москве.

Азazelло. Мессир, у меня есть на примете одна «нехорошая квартирка». Из неё жители бесследно исчезают.

Воланд. Опять проделки Коровьева и Бегемота!

Кот. Мессир, зачем на бедное животное поклёп наводить! Посмотрите на календарь: конец 30-х! Думаю, никто и не удивится, если и нынешние жильцы из неё «пропадут» неожиданно и бесповоротно.

Азazelло. А мы в этот раз немного тому поспособствуем.

Сценка. «Мастер и Маргарита». Глава 7. Нехорошая квартирка

Ведущий 1. Если бы в следующее утро Степе Лиходееву сказали бы так: Степа! Тебя расстреляют, если ты сию минуту не встанешь!" Степа ответил бы томным, чуть слышным голосом: "Расстреливайте, делайте со мною, что хотите, но я не встану". Не то, что встать, ему казалось, что он не может открыть глаз, потому что, если он только это сделает, сверкнет молния и голову его тут же разнесет на куски. Степа старался что-то припомнить, но припоминалось только одно - что, кажется, вчера и неизвестно где он стоял с салфеткой в руке и пытался поцеловать какую-то даму, причем обещал ей, что на другой день, и ровно в полдень, придет к ней в гости. Ни какая это была дама, ни который сейчас час, ни какое число, ни какого месяца - Степа решительно не знал и, что хуже всего, не мог понять, где он находится.

Ведущий 2. Объяснимся: Степа Лиходеев, директор театра Варьете, очнулся утром у себя в той самой квартире, которую он занимал пополам с покойным Берлиозом, в большом шестиэтажном доме, покоем расположенном на Садовой улице. Надо сказать, что квартира эта - N 50-- давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией. Итак, Степа застонал.

Воланд. (с иностранным акцентом) Добрый день, симпатичнейший Степан Богданович!

Степа. Что вам угодно?

Воланд. Одиннадцать! И ровно час, как я дожидаюсь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять. Вот и я!

Степа. (нащупал на стуле рядом с кроватью брюки, шепнул) Извините... (надел брюки, хрипло спросил) Скажите, пожалуйста, вашу фамилию?

Воланд. Как? Вы и фамилию мою забыли? .

Степан. Простите...(как бы про себя) Пирамидону бы.

Воланд. Дорогой Степан Богданович, никакой пирамидон вам не поможет. Следуйте старому мудрому правилу, лечить подобное подобным. Единственно, что вернет вас к жизни, это две стопки водки с острой и горячей закуской.

Степан. Откровенно сказать..., вчера я немножко...

Воланд. Ни слова больше! (отъехал с креслом в сторону).

(Степа, тараща глаза, увидел, что на маленьком столике сервирован поднос, на коем имеется нарезанный белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые маринованные грибы на тарелочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в

объемистом графинчике)

(Воланд ловко налил ему полстопки водки)

Степан. А вы?

Воланд. С удовольствием!

(Прыгающей рукой поднес Степа стопку к устам, а незнакомец одним духом проглотил содержимое своей стопки. Прожевывая кусок икры, Степа выдавил из себя слова)

Степан. А вы что же... закусить?

Воланд. Благодарствуйте, я не закусываю никогда. Ну, что же, теперь, я надеюсь, вы вспомнили мою фамилию?

Степан. (стыдливо улыбнулся и развел руками).

Воланд. Однако! Я чувствую, что после водки вы пили портвейн! Помилуйте, да разве это можно делать!

Степан. Я хочу вас попросить, чтоб это осталось между нами

Воланд. О, конечно, конечно! Профессор черной магии Воланд. Вчера днем я приехал из-за границы в Москву, немедленно явился к Вам в Варьете и предложил свои гастролы. Вы позвонили в московскую областную зрелищную комиссию и вопрос этот согласовал (Степа побледнел и заморгал глазами), подписали со мной, профессором Воландом, контракт на семь выступлений (Степа открыл рот), условились, что я приду к Вам для уточнения деталей в десять часов утра сегодня... Вот я и пришел!

Придя, был встречен домработницей Груней, которая объяснила, что сама она только что пришла, что она приходящая, что Берлиоза дома нет, а что если визитер желает видеть Степана Богдановича, то пусть идет к нему в спальню сам. Степан Богданович так крепко спит, что разбудить его она не берется. Увидев, в каком состоянии Степан Богданович, я послал Груню в ближайший гастроном за водкой и закуской, в аптеку за льдом и...

Степан. Позвольте с вами рассчитаться, проскулил убитый Степа и стал искать бумажник)

Воланд. О, какой вздор! И слушать ничего больше не хочу.

Степан. Разрешите взглянуть на контракт,

Воланд. Пожалуйста, пожалуйста...

Степан. (как бы про себя) Все на месте. Во-первых, моя подпись! Во-вторых, разрешение финдиректора Римского выдать артисту Воланду в счет следуемых ему за семь выступлений тридцати пяти тысяч рублей десять тысяч рублей. Более того: расписка Воланда в том, что он эти десять тысяч уже получил! "Что же это такое?!" Начинаются зловещие провалы в памяти?! (Громко) Разрешите на минуту отлучиться. (как был в носках, побежал в переднюю к телефону. По дороге он крикнул в направлении кухни) Груня!

(Тут он взглянул на дверь в кабинет Берлиоза и остолбенел. На ручке двери он разглядел огромнейшую сургучную печать на веревке. Разглядывает печать на двери). Вот так дела. Дверь опечатали. Здравствуйтесь! Этого еще не доставало! Ах, Берлиоз, Берлиоз! Ведь это в голову не лезет!

(Степа набрал номер) – Девушка, соедините меня с кабинетом финдиректора Варьете Римского).

Римский.- Да!

Степан. Здравствуйтесь, Григорий Данилович, тихо заговорил Степа), это Лиходеев. Вот какое дело... гм... гм... у меня сидит этот... э... артист Воланд... Так вот... я хотел спросить, как насчет сегодняшнего вечера?..

Римский. Ах, черный маг? Афиши сейчас будут.

Степан. Ага, ну, пока...

Римский. А вы скоро придете?

Степан. Через полчаса, (сжал горячую голову руками). Ах, скверная штука! Что же это с памятью, граждане? А?

(Тут Степа повернулся от аппарата и в зеркале отчетливо увидел какого-то странного субъекта, длинного, как жердь, и в пенсне. А тот отразился и тотчас пропал. Степа в тревоге поглубже

заглянул в переднюю, и вторично его качнуло, ибо в зеркале прошел здоровеннейший черный кот и также пропал).

Степан. Что же это такое? Уж не схожу ли я с ума? Откуда ж эти отражения?! Груня! Какой тут кот у нас шляется? Откуда он? И кто-то еще с ним??

Воланд. Не беспокойтесь, Степан Богданович, Не нервничайте. А Груни нет, я усладил ее в Воронеже, на родину, так как она жаловалась, что вы давно уже не даете ей отпуска.

Степан. (В полном смятении рысцой побежал в спальню и застыл на пороге. Гость пребывал в спальне уже не один, а в компании. Во втором кресле сидел тот самый тип, что померещился в передней. На пуфе в развязной позе развалился жутких размеров черный кот со стопкой водки в одной лапе и вилкой, на которую он успел поддеть маринованный гриб, в другой). Вот как, оказывается, сходят с ума!

Воланд. Я вижу, вы немного удивлены, дражайший Степан Богданович? А между тем удивляться нечему. Это моя свита.

(Тут кот выпил водки, и Степина рука поползла по притолоке вниз). И свита эта требует места, так что кое-кто из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний - именно вы!

Коровьев. Они, они! Вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено. Начальству втирают очки!

Кот. Машину зря гоняет казенную! (наябедничал и кот, жуя гриб).

Азazelло. (Прямо из зеркала трюмо вышел маленький, но необыкновенно широкоплечий, в котелке на голове и с торчащим изо рта клыком. И при этом еще огненно-рыжий). Я, вообще не понимаю, как он попал в директора, он такой же директор, как я архиерей!

Кот. Ты не похож на архиерея, Азazelло (заметил кот, накладывая себе сосисек на тарелку).

Азazelло. Я это и говорю, разрешите, мессир, его выкинуть ко всем чертям из Москвы?

Кот. Брысь!! (рявкнул кот, вздыбив шерсть).

Степан. (Пошатнулся, ударился о притолоку головой и, теряя сознание, подумал)
Я умираю...

Ведущий 1. Но он не умер. Открыв слегка глаза, он увидел себя сидящим на чем-то каменном. Вокруг него что-то шумело. Когда он открыл, как следует, глаза, он увидел, что шумит море, а сзади -- красивый город на горах.

Степан. Умоляю, скажите, какой это город?

Ведущий 2. Однако!

Степан. Я не пьян, я болен, со мной что-то случилось, я болен... Где я? Какой это город?..

Ведущий 2. Ну, Ялта...

Степа. Этого не может быть (тихо вздохнул, повалился на бок).

Азazelло. Странные эти люди, москвичи. Не верят ни в Иисуса, ни в Сатану. Они пытаются всё объяснить рационально. Смотрят на Сатану, а хотят видеть в нём иностранца, шпиона, сумасшедшего.

Кот. А этот развязный конферансье Жорж Бенгальский из театра Варьете! Он мне сразу не понравился. Этот врунишка пытается убедить публику в том, что маэстро Воланд просто прекрасно владеет техникой фокуса.

Воланд. Люди таким образом обретают душевное равновесие, им от этого становится легче жить.

Кот. Вы правы, мессир, помните, как поверил в чудеса председатель жилтоварищества Никанор Иванович Босой. Этот взяточник получил от Коровьева деньги за квартиру самым привычным для себя способом. Но, попавшись, он так объясняет дело (кривляется): «Тут случилось чудо: пачка сама вползла ко мне в портфель».

Азazelло. Если же объяснение не находится сразу, многие люди, как наш знакомый Стёпа Лиходеев, отделяются совершенно нелепой фразой: «Этого не может быть!».

Воланд. Всё может быть! Мне даже ничего не пришлось выдумывать. Москвичи, непримиримые ко всякой чертовщине и мистике, легко уживаются со многим диковинным в своём быту. Бюрократы, вралы, подхалимы, взяточники в деле изобретений «чудес» могут потягаться с нечистой силой.

Кот. Мессир, начнём представление. Мы с Коровьевым будем веселить публику и проводить разоблачения чудес.

Воланд. Будет занятно на это посмотреть.

Сценка. «Мастер и Маргарита». Глава 12. Черная магия и ее разоблачение.

Жорж Бенгальский. Итак, граждане, сейчас перед вами выступит... Я вижу, что количество публики к третьему отделению еще увеличилось. У нас сегодня половина города! Как-то на днях встречаю я приятеля и говорю ему: "Отчего не заходишь к нам? Вчера у нас была половина города". А он мне отвечает: "А я живу в другой половине!" Ха-ха-ха (Бенгальский сделал паузу, ожидая, что произойдет взрыв смеха, но так как никто не засмеялся, то он продолжал): ...Итак, выступает знаменитый иностранный артист мосье Воланд с сеансом черной магии! Ну, мы-то с вами понимаем, (Бенгальский улыбнулся мудрой улыбкой) что ее вовсе не существует на свете и что она не что иное, как суеверие, а просто маэстро Воланд в высокой степени владеет техникой фокуса, что и будет видно из самой интересной части, то есть разоблачения этой техники, а так как мы все как один и за технику, и за ее разоблачение, то попросим господина Воланда!

(Выходит Воланд с Коровьевым и котом)

Воланд. Кресло мне, (неизвестно как и откуда, на сцене появилось кресло, в которое и сел маг) Скажи мне, любезный Фагот, как, по-твоему, ведь московское народонаселение значительно изменилось? (Маг поглядел на затихшую публику)

Коровьев. Точно так, мессир.

Воланд. Ты прав. Горожане сильно изменились, внешне, я говорю, как и сам город, впрочем. О костюмах нечего уж и говорить, но появились эти... как их... трамваи, автомобили...

Коровьев. Автобусы.

Бенгальский. Иностранный артист выражает свое восхищение Москвой, выросшей в техническом отношении, а также и москвичами. (Бенгальский дважды улыбнулся, сперва партеру, а потом галерее).

(Воланд, Фагот и кот повернули головы в сторону конферансье).

Воланд. Разве я выразил восхищение? -- спросил маг у Фагота.

Коровьев. - Никак нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали.

Воланд. -- Так что же говорит этот человек?

Коровьев. -- А он попросту соврал! Поздравляю вас, гражданин, соврамши!

Воланд. Но меня, конечно, не столько интересуют автобусы, телефоны и прочая...

Кот. -- Аппаратура!

Воланд. - Совершенно верно, благодарю, сколько гораздо более важный вопрос: изменились ли эти горожане внутренне?

Коровьев. - Да, это важнейший вопрос, сударь.

Воланд. Однако мы заговорились, дорогой Фагот, а публика начинает скучать. Покажи для начала что-нибудь простенькое.

(Фагот и кот разошлись в разные стороны по рампе. Фагот щелкнул пальцами, залихватски крикнул:

Коровьев - Фагот. - Три, четыре! (поймал из воздуха колоду карт, стасовал ее и лентой пустил коту. Кот ленту перехватил и пустил ее обратно. Атласная змея фыркнула, Фагот раскрыл рот, как птенец, и всю ее, карту за картой, заглотал. После этого кот раскланялся, шаркнув правой задней лапой, и вызвал неимоверный аплодисмент)

Зрители. - Класс, класс!

Коровьев-Фагот (тыкнул пальцем в партер и объявил):- Колода эта таперича, уважаемые граждане, находится в седьмом ряду у гражданина Парчевского, как раз между трехрублевкой и повесткой о вызове в суд по делу об уплате алиментов гражданке Зельковой. (В партере зашевелились какой-то гражданин, которого, точно, звали Парчевским, весь пунцовый от изумления, извлек из бумажника колоду и стал тыкать ею в воздух, не зная, что с нею делать).

Коровьев. - Пусть она останется у вас на память! – Недаром же вы говорили вчера за ужином, что кабы не покер, то жизнь ваша в Москве была бы совершенно несносна.

Зритель 2. - Старая штука, этот в партере из той же компании.

Коровьев. - Вы полагаете? В таком случае, и вы в одной шайке с нами, потому что она у вас в кармане! (На галерке произошло движение, и послышался радостный голос)

Зритель 1. - Верно! У него! Тут, тут... Стой! Да это червонцы! "Одна тысяча рублей".- Ей богу, настоящие! Червонцы! Сыграйте и со мной в такую колоду.

Коровьев.- Аvek плезир! Но почему же с вами одним? Все примут горячее участие! Прошу глядеть вверх!... Раз! (в руке у него показался пистолет) Два! (пистолет вздернулся кверху). Три! (начинают падать в зал белые бумажки).

Зритель 1. Ты чего хватаешь? Это моя! Ко мне летела!"

Зритель 2. Да ты не толкайся, я тебя сам так толкану!
(Фагот прекратил денежный дождь, внезапно дунув в воздух).

Бенгальский. Вот, граждане, мы с вами видели случай так называемого массового гипноза. Чисто научный опыт, как нельзя лучше доказывающий, что никаких чудес и магии не существует. Попросим же маэстро Воланда разоблачить нам этот опыт. Сейчас, граждане, вы увидите, как эти, якобы денежные, бумажки исчезнут так же внезапно, как и появились. (Заплодировал, но в совершенном одиночестве)

Коровьев. - Это опять-таки случай так называемого вранья. Бумажки, граждане, настоящие! Между прочим, этот, (указал на Бенгальского), мне надоел. Суется все время, куда его не спрашивают, ложными замечаниями портит сеанс! Что бы нам такое с ним сделать?

Зритель 1. Голову ему оторвать!

Коровьев. Как вы говорите? Ась? Голову оторвать? Это идея! Бегемот! Делай! Эйн, цвей, дрей!

Кот. (Раздирающе мяукнул. Затем сжался в комок и, как пантера, махнул прямо на грудь Бенгальскому, а оттуда перескочил на голову. Урча, пухлыми лапами кот вцепился в жидкую шевелюру конферансье и, дико взвыв, в два поворота сорвал эту голову с полной шеи).

(Кот передал голову Фаготу, тот за волосы поднял ее и показал публике, и голова эта отчаянно крикнула на весь театр):

Голова Бенгальского. -- Доктора!

Коровьев. Ты будешь в дальнейшем молоть всякую чушь?

Голова Бенгальского. Не буду больше!

Зритель 2. Ради бога, не мучьте его!

Коровьев. Так что же, граждане, простить его, что ли?

Зрители. Простить! Простить!

Коровьев. Как прикажете, мессир?

Воланд. Ну что же, они - люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или из золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их... Наденьте голову.

Кот. Будет исполнено. (Нахлобучил голову на шею)

Коровьев. (поднял сидящего Бенгальского на ноги, сунул ему в карман фрака пачку червонцев и выпроводил со сцены со словами) Катитесь отсюда! Без вас веселей.

Бенгальский. (Бессмысленно оглядываясь и шатаясь, конферансье добрал только до пожарного поста, и там с ним сделалось худо. Он жалобно вскрикнул: Голова моя, голова! Отдайте мою голову! Голову отдайте! Квартиру возьмите, картины возьмите, только голову отдайте!

Коровьев. Таперича, когда этого надодалу сплавил, давайте откроем дамский магазин! Фирма совершенно бесплатно производит обмен старых дамских платьев и обуви на парижские модели. (Музыка. Танец)

(Кот начал шаркать задней лапой, передней и в то же время выделявая какие-то жесты, свойственные швейцарам, открывающим дверь).

Коровьев-Фагот. Ровно через минуту магазин закрывается. (Пистолетный выстрел)

Аркадий Аполлонович Семплеяров. - Все-таки желательно, гражданин артист, чтобы вы незамедлительно разоблачили бы перед зрителями технику ваших фокусов, в особенности фокус с денежными бумажками. Желательно также и возвращение конферансье на сцену. Судьба его волнует зрителей.

Коровьев. Пардон, мусье. С кем имею честь говорить?

Кот. Почетный гость сегодняшнего вечера, председатель акустической комиссии московских театров, Аркадий Аполлонович Семплеяров в сопровождении супруги и дальней родственницы, начинающей и подающей надежды актрисы, приехавшей из Саратова и проживающей на квартире Аркадия Аполлоновича и его супруги.

Коровьев -Миль пардон! Я извиняюсь, здесь разоблачать нечего, все ясно.

Семплеяров. Нет, виноват! Разоблачение совершенно необходимо. Без этого ваши блестящие номера оставят тягостное впечатление. Зрительская масса требует объяснения.

Кот. Зрительская масса, как будто ничего не заявляла.

Коровьев. Принимая во внимание ваше глубокоуважаемое желание, Аркадий Аполлонович, я, так и быть, произведу разоблачение. Но для этого разрешите еще один крохотный номерок?

Семплеяров. Отчего же, но непременно с разоблачением!

Коровьев. Слушаюсь, слушаюсь. Итак, позвольте вас спросить, где вы были вчера вечером, Аркадий Аполлонович?

Супруга Семплеярова. Аркадий Аполлонович вчера вечером был на заседании акустической комиссии, но я не понимаю, какое отношение это имеет к магии.

Коровьев. Уй, мадам! натурально, вы не понимаете.

Кот. Насчет же заседания вы в полном заблуждении. Выехав на упомянутое заседание, каковое, к слову говоря, и назначено-то вчера не было, Аркадий Аполлонович отпустил своего шофера у здания акустической комиссии на Чистых прудах, а сам на автобусе поехал на Елоховскую улицу в гости к артистке разъездного районного театра Милице Андреевне Покобатько и провел у нее в гостях около четырех часов.

Молодая же родственница Аркадия Аполлоновича. (хохочет) Все понятно! Я давно уже подозревала это. Теперь мне ясно, почему эта бездарность получила роль Луизы! (внезапно размахнувшись коротким и толстым лиловым зонтиком, она ударила Аркадия Аполлоновича по голове).

Коровьев (прокричал) Вот, почтенные граждане, один из случаев разоблачения, которого так назойливо добивался Аркадий Аполлонович!

Супруга. Как смела ты, негодяйка, коснуться Аркадия Аполлоновича?

Молодая родственница. (хохочет) Уж кто-кто, а уж я-то смею коснуться! (и второй раз раздался сухой треск зонтика, отскочившего от головы Аркадия Аполлоновича)

Супруга. Милиция! Взять ее!

Кот. Сеанс окончен! Маэстро! Урежьте марш!! (Музыка)

Воланд. Прodelки Коровьева всего лишь доведённые до абсурда нелепости самой жизни. Целое нагромождение бытовых чудес и житейской мистики подмечает иронический взгляд Булгакова. Приметы времени ненавязчиво разбросаны то тут то там по страницам его книг.

Азazelло. Мессир, конечно Вы – мастер устраивать таинственные исчезновения людей. Освобождая для себя квартиру №50, Вы послали Берлиоза под трамвай, а Стёпу Лиходеева перенесли в Ялту. Но эта «нехорошая квартира» и прежде пользовалась дурной славой: ещё до нашего появления из неё бесследно исчезли жильцы... Лично мне понятна мгновенная реакция Стёпы Лиходеева, который, увидев опечатанную квартиру Берлиоза, жутко испугался, вспоминая, что недавно всучил Берлиозу статью для напечатания и вёл с ним сомнительный разговор.

Кот. А я следы времени заметил в судьбе Мастера. Его всякие журналюги и писаки довели до сумасшествия, и он своими собственными руками уничтожил роман. А портретик героя Вам ни о чём не говорит?

Азazelло. И мне Мастер напоминает кого-то: «бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами ... человек лет тридцати восьми».

Воланд. Да, это попытка скрытого автопортрета. То же можно сказать и обо всей истории жизни мастера: читаешь роман и угадываешь немало биографического. Описывая историю с публикацией романа мастера, Булгаков ничего не придумал, а описал судьбу своих книг.

Азazelло. Точно, ведь Булгакова не печатали, злобно критиковали. У меня тут 298 враждебно-ругательных отзывов о его произведениях! Только он не сломался.

Воланд. Да, это человек несгибаемый. Другие ломались, гнулись, заискивали, а он пытался найти выход. Я помню письмо Булгакова к Сталину. А потом был телефонный разговор со Сталиным и личное разрешение работать в театре.

Кот- Бегемот. Позвольте, Мессир, Булгаков-то не сломался, дописал роман, а его герой, Мастер, сжёг свой роман! Да и от своей любимой он отказался. Если бы не Маргарита... Вот это женщина! Это же надо, продать душу дьяволу ради спасения Мастера!!!

Да, позвольте поинтересоваться. А в жизни Булгакова была Маргарита?

Воланд. Естественно. В романе я лично позаботился о судьбе Мастера и Маргариты. Я осуществил заветную мечту всех влюблённых - быть всегда вместе и умереть в один день.

Азazelло. Позвольте Вас процитировать: «Тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит». И я с радостью выполнил Ваш приказ, отравил и Мастера, и Маргариту. Зато они обрели покой и остались навечно вместе.

Кот. Ах, мессир, я не женат, и скажу прямо – счастлив, что не женат. Ответьте мне, но разве можно променять холостую свободу на тягостное ярмо семейной жизни?

Воланд. Замолчи, Бегемот, ты ничего не понимаешь в людях.

Кот-Бегемот. Чёрт их поймёт, этих людей. Прошу прощения, мессир.

Воланд. Я тебя прощаю. Да, я понимаю людей, можно сказать, я вижу их насквозь. Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! Возлюбленную Мастера звали Маргаритой Николаевной. ..Она была красива и умна... Бездетная тридцатилетняя Маргарита была женою очень крупного специалиста. Муж её был молод, красив, добр, честен и обожал жену. Они занимали весь верх прекрасного особняка в одном из переулков Арбата. Но была ли счастлива Маргарита?

Коровьев. Конечно! Что ещё для счастья женщине надо? Она могла купить себе всё, что ей нравится! Она не знала ужасов житья в коммунальной квартире. Она никогда не прикасалась к примусу!

Воланд. Глупцы!!! Она не была счастливой ни одной минуты. Таким женщинам, в глазах которых горит дьявольский огонь, а в жилах течёт королевская кровь, женщине-ведьме, нужен был не готический особняк, и не отдельный сад, и не деньги.

Кот. Ну и что же ей нужно? Что нужно было этой женщине?

Воланд. Ей нужен был он, мастер.

Коровьев. Терзают меня смутные сомнения... Вся эта история напоминает мне историю других влюблённых. Мессир, насколько мне известно, в ранних редакциях романа Булгакова Маргарита отсутствовала.

Азazelло. А я знаю, что началась эта любовная линия в романе с появлением в жизни Булгакова Елены Шиловской.

Кот. Скажите тоже. Шиловская – благородная дама. При чём тут ведьма?

Воланд. Молчи и слушай, животное.

Сценка.

Булгаков. Мастер. «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!».

Елена Сергеевна. «Она-то впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что они любили друг друга давным-давно, не зная друг друга, никогда не видя... Так она говорила, что с жёлтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы он её нашёл, и что, если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь её пуста».

Так описана встреча Мастера и Маргариты в романе. В жизни у нас с Булгаковым было всё так же стремительно. Какие-то мои знакомые устроили блины. Ни я не хотела идти, ни Булгаков... Но получилось так, что эти люди сумели заинтересовать составом приглашённых и его, и меня. В общем, мы встретились и были рядом. Это была быстрая, во всяком случае с моей стороны, любовь на всю жизнь...

Булгаков. Ты для меня всё, ты заменила мне шар земной.

Елена Сергеевна. Но у меня есть муж, двое сыновей. Мы не должны встречаться. У меня такая дружная семья...

Булгаков. Я тоже несвободен.

Елена Сергеевна. И я смалодушничала, и осталась с семьёй, и я не видела Булгакова 20 месяцев, давши слово, что не приму ни одного письма, не подойду ни разу к телефону... Но, очевидно, всё-таки это была судьба. Потому что, когда я первый раз вышла на улицу, я встретила его.

Булгаков. Я не могу без тебя жить.

Елена Сергеевна. И я тоже. Полтора года разлуки доказали, что только с тобой жизнь моя получит смысл.

Булгаков. Значит, мы должны быть вместе несмотря ни на что. «Дай мне слово, что умирать я буду у тебя на руках».

Елена Сергеевна. (Смеясь) Конечно, конечно, ты будешь умирать у меня на..»

Булгаков. «Я говорю очень серьёзно, поклянись»

Елена Сергеевна. Клянусь.

Булгаков. Прошёл месяц, и Шиловский подписал бумаги о разводе. В 1932 году мы расписались. С появлением в моей жизни Елены Сергеевны в моей судьбе роман и жизнь - всё переплелось. «Против меня был целый мир – и я один. Теперь мы вдвоём, и мне ничего не страшно».

(шутит) «Вот я скоро умру, меня всюду начнут печатать, театры будут вырывать друг у друга пьесы, и тебя будут приглашать выступать с воспоминаниями обо мне. Ты выйдешь на сцену в чёрном платье с красивым вырезом на груди, заломишь руки и скажешь: «Отлетел мой ангел». (хохочет)

Елена Сергеевна. Он говорил до того комично, что я первой начинала хохотать. И мы привыкли к этим рассказам, мы-то все думали, что это всего один из смешных булгаковских рассказов, настолько он выглядел здоровым и полным жизни. Но он действительно заболел в 39-году. И когда выяснилось, что он заболел нефросклерозом, то он принял это как нечто неизбежное. Болезнь усугублялась и внешними обстоятельствами. Михаил Афанасьевич был по-прежнему в опале: его книги не печатали, пьесы не ставили, он сам находился под наблюдением ГПУ. «У Михаила Афанасьевича очень плохое состояние. Опять страх смерти, одиночества, пространства». Но не писать он не мог. Во время болезни он мне диктовал «Мастера и Маргариту», вещь, которую он любил больше всех других своих вещей. Писал он её 12 лет.

Булгаков. Главное, дописать раньше, чем умереть. Я погребён под этим романом. Но что я мог написать после «Мастера»?

Елена Сергеевна. Булгаков прекратил редактирование романа лишь за три недели до смерти, взяв с меня слово, что произведение будет издано. 10 марта 1940 года, 16 часов 39 минут. Миша умер. Всё.. Конец счастья... Боль во всём теле. Спазмы в горле. Приходили люди. Соболезновали. Но почему-то никто не говорил, что умер гений. То ли боялись, то ли отчётливо не понимали этого.

«Песня Маргариты»

Владимир Юринов

Ветер
с неба звёзды срывает,
Ночь крыла расправляет,
точно Воландов плащ.
Метит
чёрным мелом низины,
и листом от осины
опадает мой плач.
Да, я желала покоя.
Нет, не жалела ни дня.
Я лишь дышала тобою.
Пред своею любовью
виновата ли я?

В скверне
задохнулась планета,
в злобе выхода нету.
Солнце падает в дым.
Верь мне:
всех мессий распинали,

где – неважно, – Москва ли
или Ершалаим.
Знай: там – ни славы, ни злата.
Там – лишь болезнь и конец.
Там за таланты расплата –
взгляд кровавый Пилата
да терновый венец.

Мастер! Я твоя Маргарита!
От безумья и крика
я спасала тебя.
Мастер! Отчего ж у порога
отрешённо и строго
смотришь мимо меня?

Веришь
и идёшь за звездою,
веришь, что за собою
вновь тебя он позвал.
Сменишь
ты покой на дорогу,
мягкий бархат – на робу,
сад – на полуподвал.
Вновь равнодушие столицы.
Вновь будешь в муках рождён.
Вновь беспросветные лица
и свобода молиться
под солёным дождём.

Мастер! Я твоя Маргарита!
От безумья и крика
я спасала тебя.
Мастер! Отчего ж у порога
отрешённо и строго
смотришь мимо меня?
Мастер! Я твоя Маргарита!!..
Мастер...

Воланд. Мои пророчества сбылись: роман Мастера принёс ему сюрпризы: он был опубликован лишь спустя 20 лет после его ухода в очень урезанном виде. Успех романа, даже с сокращениями, был феноменален. Елена Сергеевна выстрадала это издание, она сдержала клятву, данную Мастеру.

Кот. Мессир, в подъезде дома, где мы когда-то жили, поклонники романа сделали странную надпись: «Смерть стоит того, чтобы жить, а любовь – того, чтобы ждать» Не понимаю!

Воланд. Ты глуп. Последняя любовь Булгакова осталась с ним и после его смерти.

А жизнь дописала и этот роман, она подарила новую судьбу книге Мастера. И это правильно, на этом построен мир. Слава Мастеру. Слава рукописям, которые не подвластны времени.

(Выходят все артисты)